

Цзян Ишэн опешил и недовольно бросил:

— Что ты несёшь? Не устраивай сцен хотя бы сейчас!

— У меня тоже есть акции Цзяньши, так что моё присутствие на совете директоров абсолютно законно. Как и защита собственного сына, — отрезала матушка Цзян. — Сяо Бао наотрез отказывается возвращаться домой! Если бы не этот громкий скандал, я бы так и сидела дома, слепая и глухая ко всему. Завтра я иду с тобой, и это не обсуждается.

Она не появлялась в офисе уже несколько лет, и на этот раз даже уговоры Цзян Ю не возымели действия.

Завтрашнее заседание совета директоров обещало превратиться в настоящее поле боя.

Это понимали не только в семье Цзян. Даже Ань Сяопин, краем уха услышав обрывки телефонного разговора, не на шутку встревожился.

— Если завтра твой отец пойдёт напролом, думай в первую очередь о себе, — напутствовал он Цзян Тинчжоу. — Ты ведь ещё толком не выздоровел, тебе ни в коем случае нельзя...

К этому времени они уже распрощались с семейством Тянь и шли к дому Ань Сяопина. В руках Цзян Тинчжоу нёс увесистый пакет с медовыми булочками, которыми его щедро снабдили хозяева, заметив, как сильно они ему понравились. Сяопин причитал всю дорогу без умолку, пока Тинчжоу, не выдержав, не вытащил одну булочку и с улыбкой не заткнул другу рот.

— Да ладно тебе, — мягко прервал его Тинчжоу. — Я всё прекрасно понимаю и в обиду себя не дам.

За разговорами они незаметно добрались до ворот.

Дом Ань Сяопина ютился у самого подножия горы, в месте куда более уединённом и древнем, чем жильё Тянь Хуэй. В Старом районе Юнцина многие владели участками на правах частной собственности и строились сами. Семья Сяопина не была исключением, разве что их надел — неровный, изломанный многоугольник — по площади заметно превосходил соседские.

В памяти Цзян Тинчжоу этот дом запечатлелся тесным и запущенным: вечно заваленный хламом двор, крикливые куры, утки и гуси, которых держали ради лишней копейки, грядки с зеленью и неистребимый запах птичника, бивший в нос с порога.

Когда бабушки Ань не стало, живность извели, и двор опустел. Однако теперь, вернувшись сюда, Тинчжоу обнаружил, что всё изменилось ещё сильнее.

Всё вокруг обветшало и выглядело заброшенным — чувствовалось, что здесь давно никто не жил. Разделявшая участки кирпичная стена, общая с соседями, наполовину обрушилась,

обнажив неприглядный хаос чужого двора.

— Да ты не переживай, это пару месяцев назад, во время ливней, селевой поток с горы размыл кладку, вот стена и поплыла, — поспешил объяснить Ань Сяопин, проходя во двор. — Она и раньше-то еле держалась, благо хоть никого не придавило. А мне потом уезжать в университет надо было, руки так и не дошли нанять рабочих. Главное, сам дом не пострадал, так что жить можно.

Цзян Тинчжоу заглянул через пролом. Соседский участок производил удручающее впечатление.

Раньше там жила добродушная пожилая пара. Их дворик, хоть и уступал по размерам владениям Аня, всегда утопал в зелени: благоухающие клумбы сменялись аккуратными грядками и фруктовыми деревьями. Место казалось сошедшим со страниц сказки — тихим, уютным деревенским уголком.

Теперь же всё заросло бурьяном. Лишь старое хурмовое дерево посреди двора по-прежнему тянулось к небу, напоминая о былой красоте, но в самом доме явно давно никто не обитал.

— А где дедушка с бабушкой? — спросил Тинчжоу.

— Дедушка Ху сильно разболелся, — вздохнул Ань Сяопин. — Дочь увезла его за границу на лечение. Там они и останутся, возвращаться не планируют. На воротах даже объявление о продаже висит. Недавно видел, как риелторы водили сюда покупателей. Просят около четырёх миллионов. Вроде кто-то заинтересовался, но торгуются, сбивают цену — дорого им, видите ли.

Цзян Тинчжоу вновь окинул взглядом заброшенный сад.

Если исходить из средней стоимости квадратного метра в Старом районе Юнцина — около двадцати тысяч юаней, — то четыре миллиона за участок в две сотни «квадратов» вместе со строениями были вполне адекватной, рыночной ценой.

Дома в округе продавались сразу с землёй, оформленной по государственным свидетельствам собственности, так что сделки проводились абсолютно законно.

Но у этого места хватало и минусов: глухой запущенный угол без малейших перспектив под снос или редевелопмент. По узким переулкам могли протиснуться разве что электроскутеры, машину во дворе не припаркуешь. К тому же, по закону новому владельцу придётся выплатить солидную пошлину за переоформление прав на землю, а затем вложиться в капитальный ремонт — причём сносить старый каркас под новое строительство правила запрещали. Огромные траты без гарантии мало-мальски современного комфорта.

Для сравнения: за эти же деньги в центре Нового района можно было приобрести роскошную

просторную квартиру в элитном жилом комплексе — с отличной транспортной развязкой, первоклассным консьерж-сервисом и привязкой к престижной школе. И хотя на рынке недвижимости сейчас наблюдалось оживление, четыре миллиона оставались внушительной суммой. Неудивительно, что дом завис в продаже. А поскольку хозяева съехали, а риелторы не утруждали себя уборкой, сад быстро одичал и зарос сорняками.

Но Цзян Тинчжоу слишком хорошо помнил, каким этот уголок был когда-то, и в груди шевельнулось сожаление.

— Ладно тебе, не забивай голову чужими заботами, — Ань Сяопин легонько подтолкнул его к дверям. — Иди умывайся и отдыхай. Завтра обоим рано вставать, так что устраивайся поудобнее, перекантуемся эту ночь у меня.

Сяопин искренне переживал, что после роскошных апартаментов в «Сияющей звезде» его скромная обитель покажется Тинчжоу невыносимой. Наведя порядок, он попытался уступить другу хозяйскую спальню, но тот наотрез отказался. Спорить долго не пришлось — в итоге они улеглись вдвоём на широкой двуспальной кровати.

Им и раньше доводилось делить постель. В те годы, когда отчим Тинчжоу напивался до беспамятства и крушил всё в доме, измученный парень не раз прибегал к Сяопину переждать бурю.

Наскоро разобрав вещи, Цзян Тинчжоу лёг, но сон не шёл. Он просто лежал, уставившись в потолок.

Мысли роились в голове, мешая забыться. Ань Сяопин тоже не спал — листал ленту в телефоне. Заметив отрешённый взгляд друга, он легонько ткнул его пальцем в бок.

— О совете директоров думаешь? Переживаешь?

— Насчёт совета директоров я уже всё решил, — отозвался Цзян Тинчжоу. — Знаю, как себя вести. Не беспокойся.

Сяопин скептически фыркнул:

— Можешь меня не успокаивать. В Цзяньши никто никогда не был на твоей стороне. Даже если ты выиграешь это дурацкое соревнование, они запросто подтасуют отчёты о прибыли и выставят тебя проигравшим.

Сяопин порой казался недотёпой, но сейчас его чутьё сработало безупречно. Ведь именно так всё и произошло в прошлой жизни.

Когда-то Цзян Тинчжоу всерьёз считал это соперничество честным и важным рубежом своей жизни. Лишь много позже он понял: истинная подоплёка спора крылась вовсе не в том, у кого

кулинарный бизнес пойдёт успешнее — у него или у Цзян Ю. Всё упиралось в то, куда качнётся маятник отношений между кланами Цзян и Лу.

За последнее время кулинарный гений Тинчжоу раскрылся настолько, что отрицать его стало невозможно. Своей работой он доказал, что его не удалось сломать или превратить в ничтожество. Жалобные уловки отца больше не работали. К тому же Цзян Ю тоже окреп и постепенно брал бразды правления в свои руки. Сроки старых долгов вышли, и семейство Лу, годами осыпавшее Цзянов щедрыми компенсациями за прошлые обиды, больше не собиралось платить по старым счетам. Прежние способы вымогательства изжили себя.

Цзян Ишэну во что бы то ни стало требовалось нащупать новую, более прочную нить, которая намертво связала бы две семьи.

Благо почва для этого была унавожена годами: младшее поколение прекрасно ладило друг с другом. Цзян Ю и младший сын Лу — Лу Цзяхэ — дружили с самого детства. Повзрослев, они сблизились ещё сильнее, и их отношения балансировали на грани нежной, едва скрываемой влюблённости.

Цзян Ишэн знал, что ушедшему из дома Тинчжоу покровительствует сам Лу Байюй. Глава семейства не догадывался о деталях их связи и уж тем более не подозревал, что парни тайно встречаются, но даже простого ярлыка «хороших знакомых» хватало, чтобы отец начал приглядываться к старшему сыну с корыстным интересом.

Братья Лу уже вошли в руководство Логистической группы Лу, и их голоса в совете директоров приобрели огромный вес.

В прошлой жизни к моменту рокового заседания Цзян Ю и Лу Цзяхэ стали практически неразлучны. Цзяхэ даже лично явился на совет директоров Цзяньши, чтобы поддержать любимого, что наглядно демонстрировало серьёзность его намерений.

Тинчжоу же, напротив, всеми силами скрывал свой роман с Лу Байюем. Боясь навредить репутации вечно занятого молодого господина Лу, он делал вид, будто они едва знакомы. И тащил всю непосильную работу в одиночку, надрываясь день и ночь.

В итоге на том заседании Цзян Ишэн, взвесив все выгоды, прилюдно объявил победителем Цзян Ю.

Радостный младший брат получил долгожданное кресло вице-президента, забрал вожделенный приз и на глазах у всех бросился в объятия Лу Цзяхэ.

Цзян Тинчжоу пережил тогда жестокий удар, но ему и в голову не пришло усомниться в подлинности финансовых отчётов. Лишь годы спустя, когда бразды правления компанией перешли к нему и он поднял старые архивы, вскрылась горькая правда. Победа принадлежала ему.

В первом квартале выручка старого ресторана «Императорский пир» превысила доходы филиала на «Благоухающем полуострове» более чем на восемь тысяч юаней. Он выиграл честно и неоспоримо.

Отыскав ту запись, Тинчжоу мгновенно всё понял.

Этот подлог доказывал лишь одно: для его отца никогда не существовало понятия честной игры. Цзян Ишэн признавал только сухой расчёт — как удобнее и выгоднее присосаться к чужим ресурсам.

И то мнимое право доказать свою ценность, ради которого Тинчжоу когда-то расшибался в лепёшку, он получил вовсе не за примерное поведение. Его преподнесли как милость из-за негласной связи с Лу Байюем. Судьба его побед и поражений никогда не принадлежала ему самому — её всегда вершили Лу.

Сейчас он видел ситуацию насквозь и ничуть не лукавил перед другом. Завтрашняя делёжка власти его действительно мало волновала — мысли занимало совсем другое.

Однако Ань Сяопин лишь покачал головой, не поверив ни единому слову.

— Да брось ты, — тихо произнёс Сяопин. — Я ведь уже взрослый. Раньше ты всегда закрывал меня спиной, но теперь всё изменилось. Отныне ты можешь положиться на меня.

Экран мобильного продолжал светиться в темноте, отражаясь в глазах Ань Сяопина тёплыми искрами.

— Я ведь серьёзно, — продолжал он. — Если соседский дом оценивают в четыре миллиона, то и наш уйдёт примерно за столько же. Я специально расспрашивал риелтора, когда тот приезжал в прошлый раз.

— Твоя семейка — те ещё змеи, я знаю. Даже если этот контракт сорвётся, плевать. Тебе не нужно завтра лезть на рожон и что-то им доказывать. Возвращайся ко мне. Заберём эти деньги, и ты откроешь собственный ресторан. Будешь сам себе хозяином, заживёшь по-человечески.

Он говорил так уверенно, словно вынашивал этот план месяцами и теперь окончательно всё для себя решил.

Цзян Тинчжоу ошеломлённо приоткрыл рот. Он впервые слышал от друга нечто подобное.

— Ты... с ума сошёл? О себе подумай! Это совершенно исключено. С какой стати я буду забирать твои деньги?

— Да я как раз о себе и думаю! — горячо возразил Ань Сяопин. — Мой блог приносит неплохой

доход, на жизнь мне с лихвой хватает. Моё единственное желание — чтобы ты наконец вырвался из этого змеиного логова и вздохнул спокойно. Это тебе нужно о себе подумать!

— К тому же с твоим талантом это не благотворительность, а сверхуспешная инвестиция. Да другие рестораторы дрались бы за право вложиться в твою кухню, разве я не прав?

В голове Ань Сяопина всё укладывалось в предельно простую схему: если дома к тебе относятся как к грязи, уходи не раздумывая.

С тех пор как не стало бабушки, Тинчжоу оставался для него единственным близким человеком. Да и как забыть, что если бы не друг, заслонивший его лицо от ножа обезумевшего уличного хулигана, то лезвие вонзилось бы прямо в лоб самому Сяопину.

Он до сих пор винил себя за тот случай. Не будь у Тинчжоу этого уродливого шрама, родная семья, возможно, приняла бы его теплее, а высокомерные мажоры в элитной школе не нашли бы повода для издёвок и травли.

— Так что, брат, выше нос, — Сяопин дружески похлопал его по плечу. — Если выиграешь — забирай своё по праву. А если начнут юлить и вставлять палки в колёса — швыряй им ключи в лицо и уходи. Нечего терпеть их издевательства. Запомни: у тебя за спиной стою я.

Договорив, он добродушно усмехнулся.

Цзян Тинчжоу молча слушал его, поражённый до глубины души. Он даже не догадывался, какими мыслями все эти годы делился сам с собой его лучший друг.

Лишь сейчас пришло горькое осознание: он преступно мало знал о человеке, который был рядом. Оказалось, даже вернувшись из мёртвых, он разглядел лишь малую часть того, что происходило под самым его носом.

В прошлой жизни он вечно куда-то мчался, карабкался вверх, не щадя сил, и ни разу не удосужился остановиться и просто оглядеться по сторонам.

Излив душу, Ань Сяопин быстро и безмятежно уснул. Он твёрдо вознамерился выставить отчий дом на продажу, и никакие тихие уговоры Тинчжоу не смогли бы его остановить.

Сама мысль об этом казалась Тинчжоу безумием. Это было в корне неверным, глупым решением.

Подобные участки с правом индивидуального строительства и полным пакетом документов на землю никогда не обесценивались, в отличие от безликих типовых новостроек. Но главное — это было единственное наследство, доставшееся Сяопину от предков. Разве мог Тинчжоу позволить ему пустить с молотка родовое гнездо ради чужих кулинарных амбиций?

Но Сяопин отличался редкостным упрямством: если уж вбил себе что-то в голову — пиши пропало. Словами его было не переубедить. Всю ночь Цзян Тинчжоу ворочался с боку на бок, бесцельно гоня по кругу тяжёлые думы.

Здесь, на окраине города, царила глубокая, непривычная тишина. Лишь стрёкот цикад да далёкие сонные трели ночных птиц изредка нарушали покой, отчего ночь казалась ещё более густой. В этой звенящей пустоте Тинчжоу отчётливо слышал стук собственного сердца. Лишь под утро его сморил чуткий, тревожный сон, но едва небо на востоке подёрнулось бледным рассветным золотом, он резко открыл глаза.

Стрелки на настенных часах едва подобрались к пяти утра. Тинчжоу бесшумно скользнул с кровати. Будильник ещё безмолвствовал, Ань Сяопин тихо сопел, уткнувшись носом в подушку.

Парень умылся и принялся чистить зубы. Окно над раковиной выходило напрямиком на соседский участок, где высилась старая хурма.

Дерево росло здесь, кажется, целую вечность и превосходило высотой все окрестные постройки. Тинчжоу помнил вкус его плодов — невероятно сладких, вяжущих язык. Осенью ветви буквально ломились под тяжестью оранжевых шаров, и соседи щедро делились урожаем, который никак не удавалось съесть целиком.

Говорят, хурма на редкость живуча. И правда: сад давно забросили, сорняки душили любые культурные побеги, отнимая влагу и солнце, а это дерево упрямо тянулось ввысь, разминая могучие ветви, исполненное дикой, первозданной силы.

Цзян Тинчжоу долго не мог оторвать от него взгляда.

Мальчишкой он часто прибегал к Сяопину и до боли в груди завидовал этим соседям. Их жизнь казалась ему воплощением земного рая: тихая, мирная, без вечных криков и пьяных дебошей. Старики возились на грядках, срывали к обеду свежую зелень и спелые томаты, весело переговаривались. Сам же Тинчжоу ютился с отчимом в полуразрушенной съёмной конуре, где каждый божий день начинался с ругани из-за нехватки денег на кусок хлеба.

Тогда ему казалось: если когда-нибудь у него появится такой же тёплый дом с садом, больше желать будет нечего. Но детская мечта со временем стёрлась, погребённая под лавиной взрослых забот.

Повзрослев, он ставил перед собой цель за целью, карабкался всё выше и добился почти всего, к чему стремился. Но сейчас, отбросив пустые амбиции, он просто накинул куртку и шагнул в прохладную утреннюю дымку. В его кармане тихо звякала мелочь — парень шёл за завтраком для себя и своего единственного верного друга.